

Охота съ гончими.

Продолженіе 1).

 ончія съ голосомъ перевалили во вторую половину и оттуда вели на поляну. Сомовъ насторожился, ожидая своего волка. Но изъ оврага показалась лисица. Она стлалась по ковыламъ съ вытянутой трубой и шла на Сомова. Онъ прицѣлился,—лиса была отъ него не больше двадцати шаговъ; но, готовясь нажать спусковую гашетку, онъ вспомнилъ, что, какъ распорядитель, онъ въ числѣ правилъ,—поставилъ—въ первый загонъ ничего, кромѣ волковъ, не стрѣлять; съ грустью отвелъ онъ ружье отъ плеча и печальными глазами проводилъ кумушку.—А какая красавица, думалъ онъ, глаза горять! Красная, чернобрюшка, огневка, а на хвостъ бѣлаго чуть не на четверть, матерая... И чортъ меня дернулъ согласиться принять на себя обязанности распорядителя. А все тщеславіе. Все желаніе быть выше другихъ,—старый дуракъ!—ругалъ онъ себя. Да будь я не распорядитель, развѣ бы выдержалъ?—ни за что! когда еще такой случай представится! и передъ глазами такъ и стояла эта огневка кумушка. Да что не стрѣлялъ... Вотъ еще какая педантичность напала!.. Въ крайнемъ случаѣ—убилъ бы да спряталъ въ кустахъ; а во второй набросъ—вѣдь послѣ завтрака, опять набросать—выстрѣлилъ бы въ воздухъ,—а лису бы взялъ.—Онъ помнилъ, что съ кѣмъ-то былъ такой случай. И Сомовъ продолжалъ безжалостно ругать себя.

Послышался выстрѣлъ со стороны, гдѣ стоялъ докторъ. Неужели убилъ, подумалъ Сомовъ, да нѣтъ, гдѣ ему.—Гончія еще гоняли, но часто скалывались; видно, что продѣлка

1) См. августъ.

старухи ихъ сильно утомила. По лисѣ вышло ихъ только штукъ восемь, во главѣ съ Затѣйкой.

Послышалось еще два выстрѣла въ томъ направленіи, куда ушла лиса.—Непремѣнно по лисѣ, думалъ Сомовъ. Да конечно по ней—развѣ найдется другой такой болванъ, какъ я...

Гончихъ стали вызывать. Публика тронулась съ своихъ номеровъ.

Сомовъ пошелъ провѣрять свой глазомѣръ по отношенію видѣннаго имъ волка, и оказалось, что волкъ прошелъ въ 38-ми шагахъ. Сомова обманула мѣстность и ковыль. Волкъ шелъ отъ него, немного подъ уваломъ, по ковылю, и ногъ его Сомовъ не видалъ; благодаря этому—обманулся въ разстояніи.

— Осель,—вскричалъ Сомовъ.

— Гдѣ, отозвался Дьяконовъ.

— Вотъ гдѣ... Сомовъ указалъ на себя.

— Что такое.

— Да вѣдь я могъ убить волка, зайца и лису. И онъ все разсказалъ Дьяконову.

— Ну ужъ это знаете, батюшка, вамъ не простительно. И этимъ заключеніемъ еще больше подлилъ масла въ огонь, клокотавшій въ душѣ Сомова.

Гончихъ вызывали около первыхъ номеровъ. Ружейники шли на привалъ.

— А гдѣ же наши паны? спросилъ кто-то. Двухъ поляковъ, одинъ изъ коихъ обмѣнялся съ Солмовскимъ номеромъ, не было. Не было и доктора.

Что за оказія, что они тамъ дѣлають? вѣдь слышать,—гончихъ вызываютъ!—мало того, что поставь на номеръ—снимай еще съ номеровъ,—брюзжалъ Сомовъ. Онъ еще не успокоился.

Въ это время раздался слабый выстрѣлъ. Всѣ остановились и повернули головы назадъ. Черезъ нѣсколько секундъ опять выстрѣлъ и, черезъ небольшой интервалъ, еще два выстрѣла.

Это паны. Только что это они разстрѣливають?..

— Я вамъ объясню. Паны стояли рядомъ, что нибудь

не поладили, и у нихъ дуэль,—благо и докторъ оказался подъ руками,—выступилъ Ларинъ.

— Вы думаете же, замѣтилъ кто-то. Рѣшили подождать.

Вскорѣ показалась группа. Паны шли съ ружьями на погонахъ за плечами и тащили, одинъ за шиворотъ, а другой за полѣно, убитаго волка. Рядомъ шелъ докторъ, изображая какой-то движущійся кустъ. Онъ имѣлъ обыкновеніе, когда стоялъ на номерѣ, украшать себя срѣзанными зелеными вѣтвями, затыкалъ ихъ за ленту шляпы, поясъ, карманы, и даже за отвороты сапогъ.—Это, говорилъ онъ, ассимилируетъ съ окружающей обстановкой... Они подошли къ ожидавшимъ охотникамъ,—бросили волка на землю и извинившись, что задержали—разсказали слѣдующее: на стоявшаго рядомъ съ докторомъ Н., черезъ взлобокъ, вышелъ волкъ и хотѣлъ идти назадъ въ островъ. Н. его ударилъ картечью подъ лопатки. Волкъ упалъ, но опять вскочилъ, и уже тихо, шатаясь какъ пьяный, пошелъ, не измѣняя прежняго направленія, въ опушку. Н. хотѣлъ дать ему еще „зарядъ“, но не могъ этого сдѣлать, такъ какъ помѣшалъ докторъ, неожиданно изъ-за пригорка появившійся въ направленіи выстрѣла. Волкъ, едва двигаясь, скрылся въ опушку. Н., соблюдая правило не сходить съ номера до вызова гончихъ, стоялъ на мѣстѣ. Потомъ, вмѣстѣ съ землякомъ, паномъ Тадеушемъ, пошелъ туда, гдѣ стрѣлялъ волка. На мѣстѣ выстрѣла крови не было; начиная съ опушки видна была кровь. Они пошли по ея слѣду и не прошли ста саженой, какъ увидели лежавшаго подъ кустомъ волка. Волкъ, при ихъ приближеніи, поднялся на передъ, но встать не могъ. Тогда его панъ Игнаць добилъ изъ револьвера.

— Да и яко онъ ладно тшеле, якъ тшеле—то ашъ до пункта.—Панъ Игнаць самодовольно крутилъ усы. Поздравили съ полемъ и пошли къ привалу.

Выжлятникамъ былъ поданъ сигналъ: ходи вонъ... значить, гончія всѣ подвалились къ псарю... Возгласы: „вались къ рогу“ прекратились.

Небольшая ковыльная поляна, съ трехъ сторонъ окруженная лѣсомъ, и четвертой выходящая на опушку, пред-

ставляла оживленный живописный видъ. Въ одной ея сторонѣ стояли экипажи, съ отпряженными лошадьми. Недалеко отъ нихъ, въ красивой группѣ, лежала стая въ 12 смычковъ. Гончихъ не смыкали чтобы не стѣснять ихъ смычками и дать имъ возможность отдыхать удобно послѣ такой трудной работы. По полянѣ сидѣли, въ разныхъ мѣстахъ, группы охотниковъ, избравъ для себя болѣе подходящую компанію. Въ каждой группѣ, центромъ которой была закуска и выпивка, велись оживленные веселые разговоры... Торопливо перебывая другъ друга, каждый передавалъ свои впечатлѣнія объ охотѣ.—Припоминались разные случаи, и справедливые, и только что выдуманные... слышался смѣхъ остроты...

Въ этотъ набросъ было убито три волка. Одинъ былъ убитъ писмоводителемъ Дьяконова, другой нѣмцемъ, хозяиномъ булочной, и третій панами.

Черномышевъ, Тюрминъ и Жуковъ выпивали. Ихъ компаніи прибыло: народу было много и изъ желающихъ поддержать и выпить „на крови“ недостатка не ощущалось.

— Какъ же вы, Иванъ Сергѣевичъ,—обратился кто-то къ Жукову,—промазали по старику-то... мнѣ видно было вѣдь—шелъ въ мѣру.

— И самъ не знаю, шелъ недалеко, мѣрилъ послѣ шагами—всего 50 шаговъ. А я знаю какъ мой Зауеръ бьетъ картечью: на 60 и 70 шаговъ приходилось убивать. А тутъ, два заряда пустилъ, и хоть бы тебѣ что, точно не по нему,—только наддалъ.

— А ты какой патронъ, панъ, взялъ,—обратился къ Жукову Черномышевъ.

— Какой, желтый, какъ ты мнѣ сказалъ.

— Ну-ка покажи,—тотъ повернулся бокомъ.

— Да я тебѣ не на этотъ указалъ,—тотъ, значить, на столъ остался. Вѣдь это патроны съ бекассинниками, 2-й номеръ.

Всѣ захохотали, и больше другихъ заливался Черномышевъ,—онъ очень любилъ подобные кипроко.

— Почему ты не стрѣлялъ,—раздавалось въ другой группѣ,—прозѣвалъ, сѣлъ, согнулъ голову и спать. Охот-

никъ... Волкъ отъ тебя шагахъ въ 10 постоялъ, прямо въ ротъ пришелъ, проспалъ—приставали по номеру.

— Что не стрѣлялъ, что не стрѣлялъ,—возражалъ тотъ. Вотъ какъ бы у васъ ружья 16-го калибра были, такъ я бы стрѣлялъ, а то чѣмъ я стрѣлять буду? Этимъ не стрѣлнешь...—онъ показалъ на полбутылку монополюки.

— Да ружье-то зачѣмъ таскаешь.

— Вотъ, черти, пристали... ружье, поймите вы, у меня 16-го калибра... А на взѣзжей-то ночью было. Всю ночь, почитай до свѣта, пили. Я уснулъ-то и не помню какъ. Сапоговъ насилу меня растолкалъ. А все эти пьяницы,—Дятловъ съ Грибовымъ, виноваты, ихъ такъ и не разбудили. Вскочилъ я, какъ чумный... голова трещить; всѣ ужъ къ лошадямъ пошли, собираются уѣзжать. Я схватилъ ружье съ патронтажемъ и, не умывшись, поѣхалъ.

— Сталъ на номеръ. Хотѣлъ зарядить, а патроны-то не лѣзутъ... Оказывается—вмѣсто своего патронтажа, чужой захватилъ. Патронтажи-то одинаковые,—не только съ похмелья, а и непьющему перемѣшать можно; а вы что не стрѣляли...

— Бѣжитъ она на меня, межъ кустовъ мелькаетъ, я думалъ гончая,—да больно красна и хвостъ длинный, изъ кустовъ выбѣжала—смотрю лиса...

— Кто по лисѣ стрѣлялъ,—вскочилъ Сомовъ, въ одной рукѣ держа кусокъ ростбифа, а въ другой пирожокъ.

— Я.

— Да развѣ это можно? вѣдь я предупреждалъ и просилъ—кромѣ волковъ ни по чемъ не стрѣлять. Если мы не будемъ держаться правилъ, то это не охота будетъ, а кабакъ, — горячился онъ... Но, вспомнивъ про свою лису, какъ онъ себя ругалъ, что не стрѣлялъ по ней, и видя передъ собой сконфуженное лицо молодого охотника, онъ перемѣнилъ тонъ на болѣе мягкій и добавилъ снисходительно: Вы, вѣроятно, немного охотились,—еще только начинающій, и вамъ можно извинить...

— Благодарю васъ, ужъ извините, какъ я ее увидалъ, такъ все на свѣтѣ забылъ... руки дрожать... въ глазахъ рябитъ... удивляюсь какъ и попалъ.

— А развѣ убили?

— Какъ же, убилъ.

— А гдѣ же она?

— Вотъ.

И молодой человѣкъ началъ вынимать изъ-за пазухи лоскуты лисьей шкуры, а въ заключеніе трубу... Какъ я въ нее выстрѣлилъ — она кубаремъ, да и возится на одномъ мѣстѣ. Я въ нее изъ другого, — да должно быть, второй разъ не попалъ, а тутъ выбѣгли собаки съ лаемъ, — я собакъ страшно боюсь. Увидали онѣ лису и ну ее рвать. Тутъ ужъ я и страхъ къ собакамъ забылъ, кинулся къ нимъ, схватилъ лису за хвостъ, хвостъ у меня въ рукахъ остался. А собаки все рвутъ. Я опять схватилъ лису. Ну, да сами посудите. Двѣнадцать собакъ, я тринадцатый, — каждый къ себѣ тащить — такъ все и разорвали. Вотъ только и собралъ. И рассказчикъ началъ обратно укладывать свои трофеи.

— А я старухѣ здорово влѣпилъ, — говорилъ другой юнецъ въ той же группѣ. — Крови какъ изъ быка, весь бокъ окрасилъ. Только стоять мнѣ было неловко. Номеръ неудобный, какъ разъ пришлось стать на канавѣ; пристроился я кое-какъ, и все время почти на вѣсу пришлось быть... назадъ податься... поле, — видно, впереди чаща. Только слышу собакъ ко мнѣ гонять, и ужъ совсѣмъ близко, по чащѣ — вдоль опушки... смотрю, а она чащей-то и лѣзетъ, я вскинулъ ружье, — бацъ... она упала.

— А мнѣ одинъ знакомый посовѣтывалъ зарядъ увеличить: обыкновеннымъ, говорить, волка не убьешь; я должно быть переложилъ, такъ въ морду отдало, что щека вспухла, — индо въ ухахъ звонъ пошелъ. Такъ меня толкнуло, что я прямо верхъ ногами — въ канаву, да затылкомъ объ край; сталъ выбираться изъ канавы, поскользнулся, да носомъ въ землю, — носъ въ кровь разбилъ.

— И все ты врешь, — вставилъ кто-то.

— Нѣтъ не вру, смотри весь платокъ въ крови. И въ доказательство справедливости рассказа, былъ показанъ платокъ, пропитанный кровью.

— Да носъ-то ты могъ разбить, это мы вѣримъ. А вотъ что старуху окровавилъ, это врешь.

— Нѣтъ не вру, какъ я потомъ выбрался изъ канавы, то пошелъ смотрѣть, гдѣ стрѣлялъ, такъ тамъ — крови, — точно барана зарѣзали.

— Опять врешь, какой у тебя былъ номеръ?

— Шестой.

— Пойдемте, господа, пусть укажетъ, недалеко, — нашлись желающіе убѣдиться, и повели съ собой рассказчика.

Крови никакой не оказалось, и въ рассказѣ справедливо фигурировала только та, что шла изъ носа. Возвратились со смѣхомъ обратно къ закускѣ.

— Я же говорилъ, что врешь, гдѣ тебѣ волка стрѣлять, — продолжали допекать охотника съ разбитымъ носомъ. — Чай въ канаву-то свалился съ испугу.

— Выстрѣлилъ ты какъ въ канаву падалъ, нечаянно... признайся-ка, и вратъ-то хорошо не умѣешь. А какой случай-то былъ. Отошелъ бы, послѣ нечаяннаго выстрѣла шаговъ на 15 въ лѣсъ, и чѣмъ кровь-то свою въ платокъ собирать; накапалъ бы тамъ... на правду бы и было похоже... Эхъ ты, горе охотникъ.

— Ну васъ къ чорту, надоѣли. Давайте ка лучше выпьемъ. — И на лицѣ его было видно сожалѣніе — какъ это, какая хорошая комбинація и не пришла ему въ голову во время.

Псари, въ своей компаніи, тоже закусывали и выпивали. Кучера, отдѣльной группой, закусивъ и дожидая, когда прикажутъ запрягать, толковали, какъ шелъ волкъ, поспорили, кто его первый замѣтитъ. Шубинъ бѣгалъ съ аппаратомъ и снималъ.

Было два часа дня. Стали собираться, чтобы успѣть сдѣлать второй набросъ. Ванькѣ было приказано ѣхать съ экипажами. Его лошадь была настолько утомлена, что во время отдыха, когда другія ѣли овесъ, она, опустивъ голову и поводя боками, не притрогивалась къ корму.

— Вотъ всегда такъ. Только лошадей драть. Носится какъ угорѣлый по острову, — прямо каторжный, — брюзжалъ Никифоръ.

— А волка кто первый перевидѣлъ и голосъ подалъ, ты— что ль,—возражалъ Ванька.

— Господа, — громко сказалъ Сомовъ, — номера тѣ же. Стрѣлять можно, что хотите...

Тюрьминъ и Черномышевъ подъ гончими не поѣхали. Черномышевъ сталъ съ кѣмъ-то на одинъ номеръ, а Тюрьминъ ушелъ на опушку, гдѣ въ первый набросъ отхлывали.

Всѣ пошли на свои номера. Но такая тишина не соблюдалась, какъ раньше... Послѣ закуски языки развязались— всѣ болтали. На волковъ надежды было мало, и на лицахъ охотниковъ не было того сосредоточенно-важнаго выраженія, какъ въ первый набросъ.

Гончія гоняли какъ-то вяло, скалывались. И только одинъ разъ былъ хорошій, дружный гонъ, но послѣ выстрѣла Тюрьмина, какъ потомъ оказалось, убившаго волка, опять гонъ былъ вялый. Несмотря на это, выстрѣлы были гораздо чаще, чѣмъ въ первый набросъ, и раздавались по всей линіи стрѣлковъ. Это стрѣляли, получивъ разрѣшеніе, по сойкамъ, сорокамъ, дятламъ и проч.

Гончихъ вскорѣ вызвали. Оказалось — убитый волкъ да штуки четыре русаковъ, не считая нѣсколькихъ соекъ и одного дятла. Многіе изъ охотниковъ поѣхали съ охоты, желая попасть къ шестичасовому поѣзду на станцію; второй поѣздъ шелъ въ 12 часовъ ночи. Отъ Урзюма до станціи желѣзной дороги было 6 верстъ. Осталось человекъ двадцать. Взяли въ Малиновкѣ небольшой отъемъ—убили трехъ русаковъ. Лисицъ въ Малиновомъ не захватили: надо полагать, отъ шума онѣ удрали изъ острова, такъ какъ Уголь и Малиновыи раздѣляла одна поляна, и гонъ въ Углу, конечно, былъ слышенъ тамъ. На этотъ день охота кончена. Всѣ поѣхали по квартирамъ.

Ванька былъ посланъ впередъ, чтобы къ пріѣзду господъ приготовить все къ обѣду и чаю.

Компанія, увлеченная еще кое-кѣмъ изъ охотниковъ, оставшихся до ночного поѣзда, шумно ввалилась въ комнаты. Начали снимать доспѣхи, вѣшать ружья, верхнее и лишнее платье и, оставшись кто въ вязаныхъ курткахъ,

кто прямо въ сорочкахъ или жилетахъ, сѣли за столъ. Подали жирныя щи изъ баранины, яичницу-глазунью и кашу съ молокомъ. Послѣ обѣда сейчасъ же на столъ появился самоваръ.

— Ну-ка, хозяйка, — обратился Ларинъ къ Бауману, — принимайся за дѣло.

Бауманъ занялся хозяйствомъ и началъ разливать чай.

— Какъ же вы, докторъ, волка-то прозѣвали? — спросилъ Ларинъ.

— Какъ прозѣвалъ? что вы говорите вздоръ! совсѣмъ не прозѣвалъ, а только этотъ самый панъ не допустилъ на меня и выстрѣлилъ раньше.

— Нѣтъ, не такъ было, я видалъ, — настаивалъ Ларинъ, — а вы вашимъ пулеметомъ занимались, украшали себя зеленью и, кажется, въ зеркальце смотрѣли, а волкъ въ это время прошелъ мимо васъ, наткнулся на пана.

Докторъ понялъ, что Ларинъ не могъ ничего видѣть: его номеръ былъ черезъ три номера отъ доктора, и сказалъ Ларину:

— Постойте, вы попадетесь мнѣ когда-нибудь.

— Конечно, нѣтъ мудренаго: отъ суммы, тюрьмы и доктора зарекаться нельзя.

— А вотъ жаль, что москвичи оказались безъ выстрѣла, — сказалъ Тюрминъ.

— Ничего, еще отыграемся, — самоувѣренно возразилъ Шубинъ. — Только еще первый день охоты, а съ такой стаей, да чтобы терять надежду стрѣлять, да никогда!

А вотъ какъ насъ, старыхъ охотниковъ, старуха въ дураки поставила — это прелесть. Пошли опять рассказы со всѣми подробностями о нынѣшней охотѣ. Начались рассказы, споры. Появился на столъ коньякъ, ромъ. И въ бесѣдахъ, за выпивкой, незамѣтно прошло время до отъѣзда на станцію.

Распростившись съ остающимися, всѣ уѣхали къ поѣзду. Остались: Черномышевъ, Солмовскій, Шубинъ, Сомовъ, Ларинъ, Бауманъ, Константинъ Ивановичъ Дьяконовъ и Жуковъ.

— Жаль, что Майнъ-Ридъ уѣхалъ, — замѣтилъ кто-то. — Больно охотникъ пріятный и мѣста всѣ знаетъ.

— Конечно жаль, — согласился Дьяконовъ. — Но что касается знанія мѣстъ, то я тоже въ своемъ участкѣ всѣ знаю, какъ свои пять пальцевъ. Завтра же докажу вамъ на дѣлѣ. Я нарочно молчалъ при охотникахъ, а теперь скажу вамъ: завтра же будемъ стрѣлять волковъ.

— Какъ? гдѣ? — слышались вопросы.

— У меня, господа, есть выводокъ волковъ, и въ такомъ мѣстѣ, что могу сказать, прямо въ мѣшкѣ. Недалеко, верстъ пятнадцать. Пораньше встанемъ и легко успѣемъ взять ихъ. Переночуемъ въ Туровкѣ, а оттуда возьмемъ Пустынный, тамъ тоже выводокъ. Повторяю, волки въ мѣшкѣ, и пострѣляемъ всѣ. Терпѣть не могу такой охоты, какъ сегодня. Что это? Чуть не полсотни стрѣлковъ! развѣ это охота, развѣ мы на лазахъ стояли!.. Поставили кругомъ лѣса всѣхъ какихъ-то. Вѣдь въ этомъ островѣ хорошихъ, вѣрныхъ лазовъ сколько? Отъ силы восемь, а тутъ цѣлая орава привалила. Посмотрите, какъ теперь поохотимся эти два дня. Ручаюсь, что больше убьемъ, чѣмъ сегодня, и каждого я поставлю на настоящій лазъ.

Всѣ съ нимъ соглашались, но приставали: «Гдѣ же волки?»

— Я вамъ сказалъ — въ мѣшкѣ, и до завтра больше ничего не скажу.

Какъ къ нему ни приставали, но ничего не узнали. Стали ложиться спать. Всѣ послѣ охоты устали. Еще до свѣта на другой день всѣ встали и принялись за чаепитіе. За чаемъ Дьяконовъ опять не показывалъ острова, но по его увѣренному тону видно было, что онъ всѣмъ преподнесетъ сюрпризъ въ видѣ выводка волковъ, и всѣ чувствовали себя превосходно. Стаѣ было приказано выступить по дорогѣ къ Туровкѣ, а охотники должны были выѣхать послѣ. Гончія отдохнули и имѣли веселый, бодрый видъ. Въ семь часовъ выѣхали. Черномышевъ поѣхалъ верхомъ на своемъ рыжемъ. Впереди, какъ и слѣдовало, поѣхалъ Дьяконовъ, по его словамъ, знающій всѣ острова. Погода измѣнилась, поднялся вѣтеръ и поднялась пыль, и было настолько хо-

лодно, что пришлось сверхъ охотничьихъ пиджаковъ надѣть чапаны. Дорога была ровная, и ѣхали хорошо. Проѣхавъ около двухъ верстъ, переѣхали рѣку по плотинѣ водяной мельницы, гдѣ и догнали стаю.

Дьяконовъ на мельницѣ подозвалъ какого-то нѣмца и сталъ его спрашивать, не знаетъ ли онъ, гдѣ здѣсь волки.

Тотъ отвѣчалъ, что прошлый годъ онъ видѣлъ одного въ своемъ лѣсу, а нынѣшній годъ не слышалъ.

Всѣ начали приставать къ Дьяконову: «Гдѣ же волки?»

— Вы намъ говорили, Константинъ Ивановичъ, что верстъ пятнадцать, а мы проѣхали гораздо больше.

— Теперь, господа, недалеко; пройдемъ этотъ лѣсъ, поднимемся на гору, и тамъ въ одномъ изъ острововъ они и есть.

Поѣхали дальше. Дѣйствительно, проѣхавъ лѣсъ, по которому ходилъ рогатый скотъ и овцы, выѣхали на поле, откуда видны были острова-отъемы, но не четыре, а гораздо больше. Остановились и начали спрашивать, чтобы теперь Дьяконовъ указалъ, наконецъ, гдѣ же волки.

— Вотъ, господа, здѣсь,—онъ сдѣлалъ неопредѣленный жестъ рукой.—А самое вѣрное, чтобы намъ не испортить, сдѣлаемъ вотъ какъ: вы всѣ поѣзжайте прямо дорогой и ожидайте меня вотъ на томъ бугрѣ, а я поѣду на хуторъ и привезу съ собой къ вамъ съ хутора хозяина. Онъ здѣсь купилъ отрубной участокъ. Мужикъ хорошій, а главное—охотникъ; у него даже есть два смычка гончихъ, и онъ намъ укажетъ, гдѣ именно волки; а безъ него мы можемъ только дѣло испортить.

Нечего дѣлать, пришлось согласиться.

— Я васъ не задержу и буду на бугрѣ въ одно время съ вами.

Доѣхали до бугра, остановились и стали ждать.

— А какъ вы думаете, господа, по-моему, мы попусту ѣздимъ. Онъ самъ не знаетъ, гдѣ волки, а слышалъ отъ мужика, да еще охотника, про волковъ и водить насъ на кругахъ,—сказалъ Черномышевъ,—и если бы я зналъ, что близъ этихъ острововъ живетъ охотникъ и имѣетъ гончихъ,

то ни за что бы не поѣхалъ. Онъ со своими гончими еще, навѣрно, въ сентябрѣ все здѣсь поразогналъ или перебилъ, и мы будемъ ѣздить по пустымъ островамъ.

— А, господа, вѣдь ужъ двѣнадцать часовъ, не знаю, какъ вы, а у меня кишка кишкѣ кукишъ кажется,—сказалъ Бауманъ,—не закусить ли?

Всѣ согласились. Ванька притащилъ корзину, и начали закусывать.

— Баринъ!—обратился Ванька къ Черномышеву, — а вѣдь вчерашній выводокъ-то Василій за три дня до насъ бралъ; мнѣ на деревнѣ одинъ парень проболтался, тоже ружейникъ и съ ними на охотѣ былъ. Какъ нашъ Никифоръ подвылъ ихъ въ Малиновомъ и уѣхалъ, а Василій-то поѣхалъ къ арендателю нѣмцу, что отъ Урзюмова въ семи верстахъ живетъ; а у него гончущки есть, штукъ пять, да съ нимъ и взяли; двухъ молодыхъ убили, одного—нѣмецъ, другого—Василій.

— Ну вотъ такъ и зналъ, вотъ каналья!—сказалъ Черномышевъ.

— А какъ, подлець, распинался-то, — добавилъ Соломовскій.

— Посмотрите, что и тутъ выйдетъ что-нибудь въ томъ же родѣ,—замѣтилъ Сомовъ.

Увѣренность встрѣчи съ волками пропадала.

— Однако, чортъ его знаетъ, земскій-то пропалъ, должно, своего отрубнаго охотника такъ же, какъ волковъ, ищетъ,—сказалъ Ларинъ.

Ждать пришлось долго. Около двухъ часовъ подъѣхалъ Дьяконовъ съ Жуковымъ, и на козлахъ у нихъ сидѣлъ мужикъ съ двухстволкой.

— Ну, гдѣ же волки? — обратились къ мужику съ вопросомъ.

— Должны быть либо въ кочкарѣ, либо въ провалѣ, все здѣсь больше надерживаются. Вывела-то она въ Прямомъ, да мы тамъ охотились, трехъ убили, она и перевела.

Физиономія у всѣхъ вытянулась. Мужикъ замѣтилъ:

— Но теперь гдѣ-нибудь тутъ надерживается, либо въ провалѣ, либо въ кочкарѣ.

— Такъ, давайте братъ, вѣдь оба острова рядомъ,— сказалъ Черномышевъ.

— А какъ стоять?—спросили Дьяконова.

— Поѣзжайте за мной, я знаю лазы и поставлю,—сказалъ онъ и поѣхалъ впередъ.

Никифоръ поѣхалъ заводомъ набрасывать гончихъ. Экипажи тронулись къ лазамъ.

Подѣхали къ узкой полянѣ, или правильнѣй перемычкѣ, между проваломъ и кочкаремъ. Дьяконовъ и мужикъ уже стали на лучшія мѣста; остальные охотники переглянулись. Подобная штука никому не понравилась. Сошли съ экипажей и пошли становиться дальше по полянѣ. Вѣтеръ не унимался; такъ какъ направленіе его было отъ охотниковъ, то ни псарей, ни гончихъ не было слышно. Наконецъ, послышался звукъ рога — это Никифоръ вызывалъ гончихъ.

— Гдѣ ваши волки, Константинъ Ивановичъ?

Онъ посмотрѣлъ на мужика; этотъ послѣдній началъ увѣрять, что непременно будутъ въ провалѣ, разъ въ кочкарѣ не оказалось. Стали брать провалъ; результатъ тотъ же—ни одна гончая не отозвалась. Дьяконовъ растерялся.

— Что же это вы, батюшка, вмѣсто вашихъ волковъ насъ въ какой-то мѣшокъ посадили!—обращались къ нему.

— Право, не сумѣю объяснить, былъ увѣренъ... и вдругъ...—бормоталъ Дьяконовъ.

— Они теперь будутъ или въ Липовомъ, или въ Вязовомъ оврагѣ, — опять заговорилъ мужикъ. — Вы вотъ что, господа, теперь ужъ мы до вечера не управимся съ двумя-то островами, а поѣдемъ ко мнѣ на хуторъ, тамъ переночуемъ, а завтра ихъ найдемъ, ужъ я изъ земли выкопаю, а достану. Ночевать вамъ хорошо будетъ, горница у меня хорошая, собакамъ тоже въ новомъ амбарѣ мѣсто отведемъ...

— Конечно, это хорошо; такъ, господа, и сдѣлаемъ?—замѣтилъ Дьяконовъ полувопросительно.

— Ну, нѣтъ, спасибо, мы лучше ночуемъ въ Сосновкѣ, а завтра пойдемъ на Бокуръ. По пути возьмемъ нѣсколько острововъ,—рѣшилъ Черномышевъ.

— А какъ же волки-то? Такъ и останутся?—возражалъ Дьяконовъ,—вѣдь выводокъ вѣрный...

— На что вѣрный! Что выводокъ былъ, въ этомъ нѣтъ никакого сомнѣнія; изъ него убиты три штуки. Но онъ послѣ перепуга ни въ одномъ островѣ сидѣть долго не будетъ, а бродить по всѣмъ, и развѣ можно его найти на-вѣрняка. Можно бы было здѣсь поохотиться, если бы хоть лисы были, а то этотъ мѣстный немвродъ всѣхъ ихъ перебилъ, а теперь васъ пригласилъ охотиться,—сказалъ Сомовъ.

Мужикъ очень старался насъ уговорить ночевать у него и увѣрялъ, что завтра и волковъ найдемъ и лисъ пострѣляемъ.

Но Черномышевъ настоялъ на своемъ. Дьяконовъ съ мужикомъ поѣхалъ на хуторъ. Когда прощались, то Ларинъ сказалъ ему:

— А вы, Константинъ Ивановичъ, все-таки мѣшокъ съ волками завяжите покрѣпче, а то разбѣгутся.

— Что это ужъ очень мужикъ упрасивалъ ѣхать къ нему ночевать?

Но Черномышевъ объяснилъ, что онъ слышалъ, какъ мужикъ говорилъ псарю, что угостить его и заплатить, чтобы онъ ночью повязалъ ему его выжловку съ Зудилой, и это-то было главной причиной желанія мужика заманить къ себѣ охоту.

Солнце уже садилось, когда охотники выѣхали въ Сосновку. Дворъ былъ найденъ, экипажи устали подъ навѣсомъ и сами собирались идти въ избу. Въ углу двора огромный цѣпной песъ рвался съ лаемъ и хрипомъ, кидаясь на незнакомыхъ людей. Отъ экипажей до крыльца нужно было пройти черезъ весь дворъ; и вотъ въ то время, когда Сомовъ былъ на срединѣ двора, по направленію къ крыльцу, собака оборвала цѣпь и неслась къ нему. Надо было видѣть его смѣшную фигуру; онъ, съ необыкновенной, неподходящей къ его фигурѣ быстротой, кинулся къ крыльцу, желая спастись отъ собаки. Но на самомъ порогѣ двери, запутался въ свой китайскій халатъ на мѣху, его постоянный охотничій костюмъ, и растянулся около

двери, что называется, во весь хлысть. Ему казалось, что песъ сейчасъ его разорветъ, онъ оралъ что-то благимъ матомъ и дрыгаль ногами. Изъ-подъ навѣса, гдѣ были всѣ остальные охотники, слышались крики: «Скорѣ спасайся, съѣсть». Потомъ послышался гомерическій общій хохотъ. Да и нельзя было удержаться, до того была смѣшна его испуганная, барахтающаяся фигура. Оказывается, собака, сорвавшись съ цѣпи, кинулась не на Сомова, а мимо его, подъ воротню и на улицу: она просто обрадовалась свободѣ.

Этотъ эпизодъ далъ тему на весь вечеръ. Всѣ до того смѣялись надъ Сомовымъ, что онъ, подъ конецъ, началъ обижаться.

Рѣшено было завтра выступать на Бакуръ, но до Бакура было отъ Сосновки 50 верстъ, и поэтому рѣшили идти въ два перехода. Сосновка была какъ разъ на трактѣ въ Бакуръ, и рядомъ съ квартирой охотниковъ находилась почтовая станція.

Часовъ въ семь, когда наши охотники сидѣли за чаемъ и балагурили надъ Сомовымъ, по поводу цѣпной собаки, толковали о волкахъ въ мѣшкѣ, отворилась дверь и съ крикомъ: «Вотъ вы гдѣ!» вошли два господина. Одинъ маленькаго роста лѣтъ 50, а другой лѣтъ 40—очень большой и грузный; это оказались два пріятеля: первый мелко-мѣстный помѣщикъ Баратовъ, а второй его другъ—полякъ, бывшій аптекаръ, теперь продавшій дѣло и ничѣмъ не занимающійся, кромѣ охоты, панъ Фалясъ. Поздоровавшись со всѣми, они присѣли къ чаю.

— А мы тебя, Миша, въ Энскѣ не застали, и какъ хорошо, что случайно увидали тутъ. Вы вѣдь пойдете къ Ванькѣ въ Бакуръ.

— Да туда направляемся, — сказалъ Черномышевъ, — тамъ говорятъ волки есть.

— Отлично, — сказалъ Баратовъ. — Вы вотъ какъ сдѣлайте: идите туда завтра, а къ вечеру приходите ко мнѣ въ Каменку, переночуете, возьмемъ у меня волковъ въ Кленовой Лапѣ, а потомъ пойдемъ въ Бакуръ, и мы съ паномъ съ вами поѣдемъ.

— А у тебя развѣ есть волки?

— Ну, вотъ, что же вратъ чтоль буду! сколько овецъ перерѣзали.

— А скажите, пожалуйста, они у васъ не въ мѣшкѣ?— задалъ вопросъ Ларинъ.

— То-есть какъ въ мѣшкѣ,—не понималъ Баратовъ.— Ему объяснили.

— Ну, нѣтъ, мои въ лѣсу, и мы ихъ съ вечеру подвояемъ и провѣримъ.

— Виновать, еще одинъ вопросъ,—продолжалъ Ларинъ. У васъ цѣпной собаки. нѣтъ?—Сомовъ поморщился.

— Есть, а что?

— Пожалуйста, прикажите ее запереть, а то у насъ одинъ изъ охотниковъ очень нервенъ, и сегодня его собака такъ разстроила, что врядъ ли онъ сможетъ стрѣлять, я думаю, у него дня три руки будутъ дрожать.—Конечно, рассказали о цѣпной собакѣ, и всѣ опять смѣялись надъ Сомовымъ.

— Пожалуйста, если можно, прикажите запереть собаку вашу куда-нибудь, а на ея мѣсто я попрошу на ночь уважаемаго Алексѣя Петровича на цѣпь посадить; я думаю, онъ не откажется побрехать ночью, а то онъ все только днемъ брешетъ,—сказалъ Сомовъ.

— Ладно, ладно, нужно будетъ, такъ и ночью набрешу, а вы бы послали къ фельдшеру, Константинъ Алексѣевичъ, навѣрно тутъ онъ есть, да приняли бы валерьянки. А то завтра, если придется по чему нибудь стрѣлять, то, ей-Богу промажете.

— Ну, это мы еще будемъ посматрѣть,—возразилъ Сомовъ,—вотъ вамъ, Алексѣй Петровичъ, цѣпочку-то не дурно было бы надѣть—не потому, что вы брехать любите,—брехъ у васъ не обидный,—а для того, чтобы вы съ лазовъ не бѣгали, а то станете на мѣстѣ, да раза три его перемѣните,—все думаете, что здѣсь плохо, а тамъ лучше—горячка.

— И неправда—всегда гдѣ стану, тамъ и замру...

— Погодите, поймаю и уличу,—настаивалъ Сомовъ.

Надежда стрѣлять волковъ опять подняла духъ въ охот-

никахъ. Снова пошли разговоры, остроги, и вечеръ прошелъ незамѣтно. Кажется, нѣтъ людей, быстрѣе забывающихъ всѣ невзгоды и усталость и быстрѣе мѣняющихъ настроеніе, какъ охотники. Баратовъ съ паномъ поѣхали въ Каменку, не оставшись только потому, что были безъ ружей, и сказали, что будутъ къ вечеру ждать охоту.

Рано утромъ охотники поднялись, напившись чаю, выступили. Пройдя дорогой верстъ десять, брали мелоча. Островокъ былъ хорошій, крѣпкій, состоялъ изъ двухъ большихъ котловинъ, раздѣленныхъ поляной. Стрѣлки стали по полянѣ, и вскорѣ послѣ наброса гончія погнались. Послышались выстрѣлы. Лисицъ не оказалось, но убили трехъ русаковъ. Бауманъ промазалъ по одному сидячему русаку шагахъ въ десяти. А Сомовъ изъ обоихъ стволовъ тоже промазалъ на чистомъ мѣстѣ; но такъ какъ его провѣрить было трудно—онъ стоялъ съ края—то увѣрялъ, что стрѣлялъ въ чащѣ, и было неудобно. Ларинъ, Шубинъ и Черномышевъ убили по русаку. Жуковъ проспалъ, такъ какъ съ вечера порядкомъ угостился и проснулся отъ гона, когда гончія по слѣду русака всей стаей почти накрыли его. Онъ увѣрялъ, что не хотѣлъ стрѣлять русака, такъ какъ ожидалъ лисицу.

Вызвали гончихъ и размѣстились на опушкѣ съ завтракомъ. Во время завтрака подѣхалъ объѣздчикъ отъ крестьянскаго банка и спросилъ, есть ли разрѣшеніе охотиться въ банковскихъ мѣстахъ; ему предъявили разрѣшеніе управляющаго. Въ это время подошли къ охотникамъ три крестьянина дроворуба. Они шли изъ недалеко расположеннаго лѣса, проданнаго на срубъ банкомъ.

— Вы бы, господа, поохотились въ Песчаномъ,—отсюда будетъ недалече, версты три. Тамъ мы кажинный день видимъ пара волковъ надерживается,—сказалъ одинъ изъ нихъ.

— Это тоже нашъ банковскій,—отвѣтилъ за нихъ объѣздчикъ.—Вотъ сейчасъ по бугру идетъ лѣсъ Угольный, а за нимъ мелоча и чаща—это будетъ Песчаный. Пастухи говорили, я слыхалъ, что волковъ тамъ видали, къ стаду подбирались.

— Что же, господа, какъ на общій совѣтъ, давайте рѣшать,—предложилъ Черномышевъ.—Это все равно почти что по пути. Конечно, рѣшили взять и поѣхали межой, по указанію мужиковъ и объѣздчика.

Мелочи оказались дѣйствительно крѣпкими, и можно было думать, что будутъ лисы.

— Ты вотъ что, Константинъ Алексѣевичъ, разставь тутъ стрѣлковъ отъ Угольнаго; по-моему, на него братъ лучше, потому что островъ лежитъ какъ разъ такъ; а я поѣду подъ гончими,—сказалъ Черномышевъ. Сомовъ поставилъ съ правой стороны отъ наброса экипажи и сталъ разставлять стрѣлковъ. Островъ Песчаный, судя по его расположенію, долженъ быть полазистъ. Къ Угольному онъ выходилъ четырьмя отвершками. Сомовъ поставилъ сначала Жукова, потомъ Баумана, Шубина, а на самый вѣрный лазъ—сталъ Солмовскій. Всѣ стали не подъ опушкой, а около Угольнаго. Ларина Сомовъ поставилъ противъ отвершка, вправо за Солмовскимъ, отъ опушки саженьяхъ въ тридцати, за двумя дубовыми кустиками. Самъ онъ поѣхалъ въ средину острова и, найдя тамъ небольшую полянку, сталъ посрединѣ ея въ кустахъ. Только что набросили гончихъ, какъ Затѣйка добыла и пошла доборомъ; къ ней, судя по голосамъ, подвалилъ Зудила и Бушуй, и вся стая заварилась. Неужели въ самомъ дѣлѣ волки, подумалъ Сомовъ. Раздался выстрѣлъ, потомъ стая смолкла,—что-то убито. Никифоръ проскакалъ опушкой и опять вернулся со стаей, завелъ ее и набросилъ снова. Вскорѣ гончія опять погнала и гнали жарко. Видно было, что гонять по красному, а не по русаку. Звѣрь началъ ходить на кругахъ. Стая нѣсколько разъ провела чащею кругомъ Сомова, но на полянѣ ничего не показывалось. Вдругъ ему показалось, что впереди въ кустахъ что-то мелькнуло. Онъ всматривался впередъ. Въ это время, сзади его, почти у самыхъ ногъ, не больше двухъ аршинъ отъ него, онъ услышалъ шелестъ сухихъ листьевъ; не успѣлъ онъ повернуться, какъ буквально подъ его ногами проскользнула во всѣ ноги лисица. Она была отъ него не больше пяти шаговъ.—Тахъ-тахъ, почти сдвоилъ онъ по ней. И увидалъ,

что лиса стелется черезъ поляну, какъ ни въ чемъ не бывало. Онъ не помнитъ, чтобы съ нимъ былъ такой случай; онъ чуть не плакалъ отъ досады,—точно онъ первый разъ видитъ лису. Стрѣлять, не прицѣлившись, когда звѣрь идетъ на поляну—это опытному охотнику непростительно.

Вся стая прошла по слѣду лисы и во вражѣ и сразу смолкла?

— Что такое,—подскакалъ Никифоръ.—По чемъ стрѣляль?

— По лисѣ и промазалъ. А какая красивая—красная совсѣмъ.

— Вы говорите красная, а я перевидѣлъ совсѣмъ одну, половая, только та назадъ прошла, шумовая.

— А что гончія смолкли?

— Не знаю, можетъ, вы подстрѣлили, а они сгоняли. И Никифоръ, высказавъ это предположеніе, поѣхалъ рысью по направленію стаи. Оказалось, лисица понорилась, а гончія вертѣлись около норы.

Никифоръ отозвалъ гончихъ и опять набросилъ. Вскорѣ—опять жаркій гонъ.

Сомовъ замеръ; все его вниманіе было обращено налѣво, откуда вышла первая лиса. Онъ ждалъ оттуда же и вторую. Гонъ приближался. Сердце его билось все чаще и чаще. Ружье у плеча. Онъ далъ себѣ слово не торопиться, а допустить лису до бурьянка, бывшаго отъ него шагахъ въ тридцати—и тогда стрѣлять. Вдругъ шорохъ справа заставилъ его обернуться. Большая половая лисица была у самого его куста. Все забыто,—онъ опять сдвоилъ, и лиса, надавъ, скрылась въ опушкѣ. Что онъ чувствовалъ! Это можетъ понять только охотникъ. Онъ зналъ, что сейчасъ появятся гончія, потомъ псарь будетъ спрашивать по чемъ стрѣляли. Онъ не сталъ дожидаться. Ушелъ съ своего мѣста, и тихо пошелъ къ лошадямъ. Вторая лиса тоже понорилась.

Первый гонъ, какъ только набросили гончихъ, конечно, заставилъ всѣхъ охотниковъ насторожиться. Солмовскій въ это время сидѣлъ за дубомъ; онъ приподнялся и сталъ на колѣно. Глаза его зорко бѣгали по опушкѣ. Гончія

еще далеко. Въ опушкѣ противъ него что-то мелькнуло. Ему показалось, что это русакъ залегъ въ опушкѣ,—онъ часто дѣлаетъ такія штуки,—но каково было его удивленіе, когда онъ увидалъ лобастую голову волка. Волкъ всматривался впередъ.

— Неужели старикъ, подумалъ онъ. Онъ зналъ, что прибылой этого не дѣлаетъ. Тотъ никогда не заляжетъ на опушкѣ.

— А у меня, какъ на грѣхъ, въ ружьѣ дробь три нуля, а не картечь,—не думалъ, что встрѣчу волковъ. Мѣнять нельзя, сейчасъ замѣтитъ и вернетъ; надо ждать. Волкъ, слыша приближеніе стаи, поднялся на ноги.—Неужели не пойдетъ сюда.—Волкъ подался немного впередъ и вышелъ совсѣмъ изъ опушки, отошелъ шаговъ на пять и устоялся по направленію Солмовскаго.

Увидалъ,—мелькнула мысль. Волкъ дѣйствительно замѣтилъ что-то подозрительное и быстро вернулъ назадъ. Но ружье давно уже было у плеча и, въ моментъ, когда волкъ открылъ бокъ, раздался выстрѣлъ. Волка словно бросило въ кусты. Второй разъ Солмовскій не успѣлъ выстрѣлить. — Промазалъ, мелькнула мысль. Нѣтъ, не могъ промазать, а ничего тремя нулями не сдѣлалъ—разстояніе большое.—Если бы была картечь,—сожалѣлъ Солмовскій. Стая подваливала къ опушкѣ. Вдругъ въ самой опушкѣ, поднялась возня. Подскакалъ псарь и началъ улюлюкать. Солмовскій побѣжалъ туда. Оказалось, что стая навалила на волка и таскаетъ его.

Солмовскій былъ страшно радъ. Стаю псарь сбиль и повелъ опять набрасывать.

Солмовскій убилъ старую огромную волчицу на шестьдесятъ пять шаговъ, причемъ перебилъ ей заднюю ногу выше колѣна. Это былъ рѣдкій выстрѣлъ. Послѣ выстрѣла Солмовскаго, второй волкъ, старикъ, кинулся въ сторону и прошелъ по межѣ мимо кустовъ, гдѣ былъ поставленъ Ларинъ. Онъ ушелъ безъ выстрѣла, такъ какъ Ларинъ съ своего мѣста убѣжалъ и сталъ подъ опушкой, откуда волка видѣть не могъ.

Всѣ сошлись; поздравляли Солмовскаго съ полемъ и сейчасъ же его сфотографировали вмѣстѣ съ волкомъ.

— А вы по чемъ стрѣляли?—спросилъ Солмовскій Сомовъ.

— И не спрашивайте,—одно горе: по двумъ лисамъ промазалъ, да какъ! если бы палкой, то убить бы можно... въ пяти шагахъ, на чистой полянѣ.

— Я же говорилъ, что валерьянки надо было выпить, — опять началъ Ларинъ.

— Ну, знаете, Алексѣй Петровичъ, — сказалъ Солмовскій, — если вы правы насчетъ валерьянки, то и Сомовъ правъ, что васъ къ мѣсту надо на цѣпочкѣ сажать. Зачѣмъ убѣждали? вѣдь старикъ-то въ десяти шагахъ отъ васъ ушелъ.

— Какъ такъ?—удивился Ларинъ.

— Такъ. Какъ выскочилъ изъ опушки, прямо межникомъ и ушелъ мимо вашихъ кустовъ.—Ларинъ сконфузился.

Сомовъ посмотрѣлъ на него, но ничего не сказалъ.

— Давайте-ка, господа, трогаться въ путь,—предложилъ Черномышевъ, —до Каменки еще далеко, прїѣдемъ не торопясь, и я сегодня поѣду на подвывъ самъ.

Положивъ волка, убитаго Солмовскимъ на фуру и привязавъ его веревками на самомъ верху, чтобы не подпарить шкуры, поѣхали въ Каменку къ Баратову.

Дорога шла низиной, а слѣва тянулось плоскогорье, перерѣзанное мѣстами оврагами и покрытое сплошнымъ лѣсомъ. Эти лѣса тянулись на десятки верстъ, безъ всякихъ перерывовъ и проходили два сѣверныхъ уѣзда N-ской губерніи. Дорога повернула влѣво; пришлось подниматься въ гору. Сошли съ экипажей, чтобы размять ноги; пошли пѣшкомъ.

— Миша, что ты когда-нибудь охотился въ этихъ мѣстахъ?—спросилъ Сомовъ.

— Нѣтъ, первый разъ ѣду,—отвѣтилъ Черномышевъ.

— Не знаю, что дальше будетъ, а если Баратовъ считаетъ, что въ этихъ островахъ можно охотиться паратой стаей, то онъ охотникъ плохой. Вѣдь лѣсъ все время сплошной, и если гончія поднимутъ звѣря, то уведутъ его со слуха, и не только увидать что-нибудь, а и не услышишь ничего.

— Я, знаешь, тоже начинаю сомнѣваться въ удобствахъ

охоты; хотя Баратовъ вмѣстѣ съ Фалясомъ держать два смычка гончихъ и охотятся, только не знаю, какія у нихъ гончія. Кажется, Фалясъ привезъ съ родины изъ Польши; конечно, съ такими можно гдѣ угодно охотиться ходовой охотой, подъ ними лиса ходитъ спокойно на кругахъ, а мои костромичи ей этого не дадутъ дѣлать, а попрутъ на прямикъ. Въ общемъ, мнѣ здѣсь острова не нравятся; ты замѣтилъ, ни одной поляны и ни одного отъема.

— Въ этомъ-то и шутка, боюсь что зря проѣздимъ.

— Что вы вопить раньше времени начинаете, — сказалъ Солмовскій, — пріѣдемъ и увидимъ. Давайте-ка садиться и поторапливаться.

Пріѣхали къ Баратову часовъ около шести. Онъ встрѣтилъ на крыльцѣ и сначала повелъ показать помѣщеніе для гончихъ, а потомъ ужъ въ домъ. Домикъ у него маленький, всего 4 комнаты, но очень чистенькій. Столъ ужъ былъ накрытъ, и компанія, раздѣвшись въ маленькой передней, усѣлась за обѣдъ. Простой домашній обѣдъ показался всѣмъ очень вкуснымъ. За обѣдомъ выпили, какъ слѣдуетъ; оказалось, что и самъ радушный хозяинъ любилъ это дѣло... За чаемъ разбирали сегодняшнюю охоту. Конечно, опять пошли подсмѣиванія другъ надъ другомъ, а особенно надъ Сомовымъ.

— А гдѣ же у тебя волки? — спросилъ хозяина Черномышевъ.

— Въ Буграхъ, отсюда верстъ семь.

— Это порядочно; надо будетъ достать лошадей и человѣка, который знаетъ мѣсто, и я съ псаремъ поѣду на подвывъ.

— Ладно, черезъ три часа все будетъ готово, а пока давайте-ка маленькую пульку сыграемъ. Сомовъ, Баратовъ, Фалясъ и Солмовскій сѣли играть, а остальные ушли въ другую комнату.

Часовъ въ десять вечера пришла прислуга и доложила, что лошади и мужикъ дожидаются у крыльца.

Шубинъ никогда не былъ на подвывкѣ, хотѣлъ тоже поѣхать съ Черномышевымъ. У крыльца дожидала пара лошадей, запряженная въ фуру Черномышева, управляемая

хохломъ, знающимъ мѣсто гдѣ волки, и Никифоръ. Господа уѣлись и поѣхали. Ночь была темная, тихая, и легкій морозецъ слегка давалъ себя чувствовать.

— А что братъ, далеко намъ ѣхать до волковъ-то?—спросилъ Черномышевъ.

— Та мабудъ верстовъ съ десять буде.

— Какъ десять? баринъ намъ говорилъ версть семь.

— Та мабудъ и семь,—соглашался хохоль,—яку шкапу запрягешъ, якъ гарну, такъ и семь, а якъ погану, то и уси пятнадцать. Отъ цей шкапы гарни, паньскія, то мабутъ больше семи и не буде.

— А ты навѣрно знаешь мѣсто, гдѣ волки?

— А якъ же, я на угольяхъ тамо сидѣлъ, таки самъ бачилъ, якъ вовки грали ня опушци, та трохи побигалы, та и въ баракъ пишлы; пять маленькихъ, та два старыхъ. Тилько одного Панасъ заполевалъ съ ружницы. Винъ его подзычивъ, ина и вдаривъ.

Шубинъ толкнулъ Черномышева въ бокъ.

— Опять ерунда какая-то,—сказалъ Черномышевъ.

Наконецъ, доѣхали до мѣста, гдѣ, по указанію хохла, онъ бачивъ вовковъ. Остановили лошадей и сошли. Они стояли на просѣкѣ въ сплошномъ лѣсу, въ который въѣхали почти отъ самой Каменки.

Отошли отъ лошадей съ полверсты. Никифоръ завылъ. Не прошло и минуты, какъ волкъ отозвался.

— Слышите,—значить, есть,—радостно сказалъ Шубинъ.

— Слышать не слышу,—только что-то странно—больно скоро отозвался, и отозвался-то старикъ, а онъ долженъ теперь быть на добычѣ.—Отойди-ка, Никифоръ, сажень на сто, и еще позови. Никифоръ отошелъ и позвалъ. Волкъ опять отозвался, но уже гораздо ближе къ Никифору.

— Ну, теперь не сомнѣвается?—спросилъ Шубинъ.

— Наоборотъ, еще больше удивленъ,—воетъ старикъ, а онъ не пойдетъ съ мѣста, пока не подойдутъ къ нему молодые; молодыхъ же не слышать, а старикъ подходитъ ближе.—Опять Никифоръ позвалъ. Волкъ еще ближе. Наконецъ, волкъ, казалось, былъ отъ Никифора шагахъ во ста. Никифоръ земолчалъ. Волкъ завылъ самъ еще ближе...

Шубинъ толкнулъ Чернышева. Только что волкъ закончилъ свою пѣсню, какъ Черномышевъ заоралъ во весь голосъ.

— Гопъ, гопъ, иди сюда.

— Что вы дѣлаете?—съ ужасомъ, воскликнулъ Шубинъ,—угоните.

— Хорошо, что я успѣлъ разобратъся во время,—сказалъ взволнованно Черномышевъ,—а то этотъ волкъ могъ свободно моему Никифору въ бокъ зарядъ всадить. Выходите оба волка къ намъ!—крикнулъ онъ. Со стороны Никифора шли двое и разговаривали.

Оказалось, что Панасъ, услышавъ голосъ Никифора и принявъ его за волка, подвывая ему, началъ его скрадывать. И еслибы Черномышевъ не уловилъ во время, благодаря своей опытности, нѣсколько невѣрный звукъ воя хохла, то тотъ дѣйствительно могъ принять въ потьмахъ Никифора за волка и влѣпить ему зарядъ.

— Какъ ты сюда попалъ?—обратились къ хохлу. Онъ объяснилъ, что караулить угольные ямы, чтобы ночью огонь не пробился, и выучился подвывать волковъ. Недѣлю тому назадъ ему удалось подвыть молодыхъ, и онъ одного изъ нихъ убилъ. Но съ тѣхъ поръ волки куда-то ушли, и онъ ихъ не слышалъ. А теперь, услышавъ вой, началъ подвывать приближаться и рѣшилъ еще придвинуться немного и стрѣлять. Слава Богу,—добавилъ онъ,—что панъ окликнулъ, а то могло случиться несчастье.

Съ неудачнаго подыва пришлось вернуться ни съ чѣмъ.

— Ну, подывалы, какъ дѣла?—обратились къ нимъ съ вопросомъ.

— Дѣла дрянъ,—и они рассказали.

— Ну, разъ нѣтъ волковъ, поѣдьте завтра, къ Трещинамъ, тамъ держатся пять лосей,—сказалъ Фалясъ,—ихъ возьмемъ, они тамъ постоянно.

— Здѣсь навѣрно ихъ много, а не только пять; но охотиться по чернотропу за ними—не думаю, чтобы было особенно вѣрно и удобно,—сказалъ кто-то.

— Нѣтъ, Казиміръ, это ничего не выйдетъ. Чортъ ихъ найдетъ твоихъ лосей, а лучше мы поѣдемъ завтра къ

Вершинамъ и тамъ поохотимся—тамъ и звѣрь долженъ быть, а, главное, тамъ куропатокъ много,—возражалъ хозяинъ.

— Ну, что твои куропатки! вотъ убить лося, это я понимаю.

Разговоръ о лосяхъ и куропаткахъ былъ прерванъ Черно-мышевымъ.

— А вы вотъ что скажите, господа, эти ваши Трещины и Вершины отъемы что ли?

— Нѣтъ! какіе отъемы, тутъ нѣтъ ни одного отъема. Это все сплошной лѣсъ, а только части его носятъ разные названія.

— Такъ намъ здѣсь, со стаей, и дѣлать нечего; развѣ можно въ такой громадѣ сплошныхъ лѣсовъ съ гончими охотиться, да еще съ паратой стаей.

— А какъ же мы охотимся? и всего у насъ 2 смычка; пойдутъ и гоняютъ, а мы подъ нихъ и зайцевъ и лисицъ бьемъ.

— Да вѣдь это большая разница. У васъ гончія тяжелыя пѣшія, и вы охотитесь ходовой охотой, а со стаей этого нельзя.

— Такъ какъ же завтра-то?—спросилъ хозяинъ.

— Завтра пойдѣмъ въ Бакуръ. Ванька писалъ, что тамъ мѣста хорошія, и будемъ охотиться тамъ.

— Да вѣдь тамъ отъемовъ нѣтъ, а эти лѣса тянутся,—сказалъ Баратовъ.

— Не можетъ быть! Ванька охотникъ и держалъ когда-то свою стаю. И въ такую урему не приглашалъ бы.

— Ну, ладно! поѣдемте, и я поѣду съ вами,—согласился Баратовъ.

Поутру Ларинъ и Бауманъ уѣхали въ N-скъ; съ ними Солмовскій послалъ шкуру, съ головой, убитой волчицы и просилъ отдать его чучельщику. Оставшіеся пошли въ Бакуръ.

Ваньку Березова не застали: онъ былъ въ полѣ, отводилъ отрубные участки; онъ служилъ въ банкѣ по ликвидаціи земель. Нашли съ трудомъ квартиру и кое-какъ устроились. Часа въ четыре пришелъ Ванька. Послѣ привѣтствій его начали, разумѣется, спрашивать о волкахъ.

— Конечно, есть, въ Дубовой вершинѣ—всего версть пять отсюда.

— А ты скажи—это отъемъ?—спросилъ Черномышевъ.

— Какъ тебѣ сказать—собственно это не отъемъ, тутъ чистыхъ отъемовъ нѣтъ, а лѣсъ сплошной. Только онъ весь разбитъ на кварталы, и по просѣкамъ стрѣльба отличная. А это мѣсто, гдѣ волки, я уже осмотрѣлъ, какъ надо брать, и намѣтилъ откуда бросить гончихъ, а также гдѣ стоять стрѣлкамъ. Пей, Миша, чай и поѣдемъ, пока засвѣтло, возьмемъ псаря, чтобы онъ зналъ откуда завтра заводить гончихъ.

Немного погода, Черномышевъ, Ванька и псарь уѣхали на осмотръ, а остальная компанія пошла пройтись по селу. Село Бакуръ прежде было очень большое. Было въ немъ двѣ барскихъ усадьбы, представляющихъ теперь изъ себя груды развалинъ. Во время аграрныхъ беспорядковъ обѣ усадьбы были сожжены и разграблены. Имѣнія были проданы крестьянскому банку, и теперь владѣлецъ всѣхъ земель является онъ. Мужики жаловались на свое положеніе и говорили, что при господахъ имъ было лучше. Хоть и снимали землю у барина, да зато почти всю уплату аренды, ему зарабатывали—незамѣтно. Дѣвчонки отъ 12 лѣтъ за лѣто, на подбивкѣ подсолнуховъ да на полкѣ, поденными работами, получали рублей по пятнадцати. А сколько обрабатывали въ экономіи! Пахотой получали. Бывало, свою отпашешь, къ помѣщику—все лѣто пашешь, и кромѣ того, что обрабатываешь за землю, что снялъ, да еще изъ конторы деньги получишь. Почти въ каждомъ дворѣ были быки, а теперь какъ хозяйство господа уничтожили, и намъ пришлось быковъ всѣхъ продать, потому заработка нѣтъ. Бывало, въ семьѣ-то, и знать не знаешь, бабу или дѣвку одѣвать—все сами на поденщинѣ зарабатываютъ, а теперь все приходится покупать мужикамъ. Спервоначалу-то мы было обрадовались: сами молъ себѣ помѣщики, купили землю отъ банка. А вотъ два года къ ряду неурожайныхъ. Банкъ землю-то за неплатежъ отобралъ, и остались мы, помѣщики, безъ земли, — вотъ оно какое дѣло-то вышло.

Почти вездѣ по деревнямъ слышны подобныя разсужденія.

Погулявъ по селу, охотники вернулись на квартиру. Подѣхали Черномышевъ съ Березовымъ.

— Ну, что, какъ?

— Да то же самое, что и раньше, — урема сплошная...

— А проськи-то? — возражалъ Березовъ.

— Да что проськи твои удержать звѣря или гончихъ? Конечно, разъ заѣхали, давайте попробуемъ, но думаю, что толку не будетъ, — замѣтилъ Черномышевъ. — Чортъ насъ понесъ сюда отъ своихъ отъемовъ, — добавилъ онъ.

Вечеромъ все-таки охотники не скучали. Черномышевъ подпоилъ Березова и Баратова и стравилъ ихъ, доведя чуть не до ссоры, конечно, пріятельской; потомъ ихъ мирили, и вечеръ прошелъ незамѣтно.

Изъ кухни раздавался смѣхъ, тамъ нашъ метръ д'отель Ванька показывалъ фокусы: онъ на споръ объ двугривенномъ съ Никифоромъ послѣ ужина выпилъ безъ передышки цѣлую бадейку молока; Никифоръ долженъ былъ уплатить, хотя страшно ругалъ Ваньку и каторжнымъ и чортовой утробой. Но Ванька еще предлагалъ Никифору показать фокусъ, но спорилъ только на гривенникъ, что онъ влѣзетъ незамѣтно при всѣхъ въ бутылку. Никифоръ согласился; по гривеннику было положено въ другія руки, и Ванька притащилъ откуда-то двѣ черныхъ шапки и бутылку. Бутылку поставилъ на столъ, далъ Никифору одну изъ шапокъ и сказалъ ему, чтобы онъ дѣлалъ то же, что и Ванька. Ванька началъ своей шапкой вытирать лицо, Никифоръ сдѣлалъ то же, но раздался смѣхъ. Оказалось, что Ванька далъ Никифору шапку, выпачканную въ сажѣ, и тотъ ею измазалъ лицо и сталъ, какъ трубочистъ. Всѣ смѣялись, а Никифоръ не понималъ и продолжалъ вытираться. И только, когда кто-то ему сказалъ, онъ посмотрѣлъ въ осколокъ зеркала, сначала сконфузился, а потомъ разразился бранью по адресу Ваньки. Но тотъ хохоталъ и, заплативъ гривенникъ изъ выиграннаго двугривеннаго, остался все-таки въ барышѣ и молочка выпилъ.

На утро поѣхали на охоту. Толку никакого не вышло; такъ какъ лѣсъ оказался сплошной, Березовъ поставилъ охотниковъ или не на той проськѣ, или псарь не оттуда,

откуда было нужно, набросилъ, только наши охотники стояли въ сторонѣ, а гончія гоняли гдѣ-то далеко, какъ оказалось, по бѣлкамъ. Сбить гончихъ стоило большихъ трудовъ: они словили пропасть бѣляковъ и, только подзакусивши, какъ слѣдуетъ, зайчиной, вывалили къ рогу. За завтракомъ кое-кто подвыпилъ, и Березовъ съ Баратовымъ опять повздорили. Гончихъ послѣ завтрака опять набросили; они натекли на лисицу, которая ушла, разумѣется, безъ выстрѣла, увела ихъ страшно далеко и тамъ понорилась. Дождавшись гончихъ, рѣшили ѣхать домой.

— А гдѣ же Ванька Березовъ?—спросилъ кто-то.

— А чортъ его знаетъ, — сказалъ Баратовъ. — Онъ у меня на носу все вертѣлся, я ему пообѣщалъ зарядъ пустить; онъ, должно быть, обидѣлся и ушелъ по дорогѣ въ гору.

— Надо его звать въ рогъ.

Но сколько ни трубили, Березовъ не выходилъ на голосъ. Послали псарей разыскивать его въ лѣсъ; ждали болѣе часу. Начало смеркаться. Всѣ боялись, что онъ пьяный уснетъ гдѣ-нибудь и можетъ простудиться; страшно беспокоились. Вернулись псари, не найдя Ваньки. Стало темнѣть.

— Что же дѣлать, господа? Придется оставить одного человѣка съ рогомъ, на случай, если онъ проснется, то выйдетъ на рогъ. А сами поѣдемъ въ Бакуръ и пошлемъ народъ отыскивать его.

Этотъ случай подѣйствовалъ очень удручающе на всѣхъ и въ концѣ омрачилъ и безъ того непріятную охоту.

Приѣхали въ Бакуръ; Черномышевъ самъ пошелъ на квартиру Ваньки, чтобы предупредить его жену, надѣясь это сдѣлать какъ-нибудь поосторожнѣе. Всѣмъ было тяжело. Никто не подозрѣвалъ, что онъ можетъ выкинуть такую штуку: напиться до того, чтобы, не сказавъ никому ни слова, уйти съ лаза домой. А онъ именно это и сдѣлалъ. Всѣ были страшно возмущены его поступкомъ. Еще бы! онъ, кромѣ того, что заставилъ всѣхъ на холодѣ ждать болѣе двухъ часовъ, еще поставилъ въ необходимость оставить въ лѣсу, ночью, выжлятника, которому приказано было

трубить черезъ короткіе промежутки. За выжлятникомъ послали мужика, и тотъ, бѣдный, иззябшій, вернулся къ десяти часамъ ночи.

— Господа, — сказалъ Черномышевъ, — здѣсь больше охотиться не стоитъ. Подобный случай можетъ повториться опять. Завтра ѣдемъ обратно. Поѣдемъ на Морякино, я вамъ ручаюсь, что тамъ мы поохотимся. Тамъ я острова знаю, и хотъ волковъ нѣтъ, но есть лисы и зайцы. А относительно волковъ я сейчасъ же пошлю въ одно мѣсто письмо къ полѣсовому, а отвѣтъ намъ привезутъ въ Морякино. Думаю, что изъ этого толку будетъ больше, чѣмъ было до сихъ поръ. Правда, переходъ туда будетъ верстъ сорокъ, но пораньше выѣдемъ и къ вечеру доѣдемъ.

Всѣ согласились, кромѣ Баратова и пана, которые звали опять въ Каменку и обѣщали: одинъ — лосей, а другой — куропатокъ.

— Ты пойми, Миша, если мы со своими гончими охотимся и стрѣляемъ, то ужъ изъ-подъ твоей стаи, навѣрно, поохотимся хорошо, — настаивалъ Баратовъ.

— Я уже тебѣ говорилъ про разницу вашей охоты и моей и больше повторять не буду.

— Тогда я тебѣ на это скажу вотъ что, — вспылить тотъ. — Это не охота — быть въ зависимости отъ стаи гончихъ, дурака псаря и болвановъ выжлятниковъ. Это, повторяю, не охота, а одинъ раздоръ. Стоитъ это чортову уйму денегъ — и нельзя охотиться тамъ, гдѣ хочешь.

Но и этотъ аргументъ не подѣйствовалъ на установившееся рѣшеніе.

Утромъ изъ Бакуръ ушли по дорогѣ къ Морякину. До Морякина въ этотъ день не пришлось дойти, такъ какъ оказалось не сорокъ верстъ, а больше пятидесяти; къ сумеркамъ дошли до с. Зрячевки, гдѣ и пришлось остановиться. Спросили мужика, гдѣ бы получше найти квартиру, и онъ указалъ на большую пятистѣнную избу, крытую желѣзомъ; направились туда. Оказалось, что живутъ только старикъ со старухой, очень зажиточно. Старика не было дома, и старуху съ большимъ трудомъ можно было уговорить пустить охоту на ночевку.

— Охъ, родимые мои, боюсь я, больно народъ у насъ озарной, какъ бы чего не было. Если бы старикъ былъ дома, такъ онъ ужъ самъ бы... какъ знаетъ.

Но все-таки ее уговорили. Въѣхали во дворъ.

Дворъ былъ весь въ навѣсахъ, крытъ соломой. Гончихъ помѣстили въ углу двора въ амбарушкѣ, лошадей поставили въ конюшню. Во дворѣ было много рогатаго скота и лошадей, и все это стояло по грязнымъ закутамъ. Сейчас же подали самоваръ, и всѣ усѣлись за чай. Пришла сестра хозяйки съ барскаго двора, повариха, и предложила что-нибудь приготовить на ужинъ. Заказали лапшу изъ курицы; стряпня на кухнѣ въ первой половинѣ избы шла во всю.

Въ это время приходитъ молодой мужикъ, немного выпивши, — оказывается въ этотъ день на селѣ было двѣ свадьбы. Обращаясь къ охотникамъ, онъ говорить:

— Отчего вы ко мнѣ не заѣхали? Я жалаю, чтобы вы у меня остановились.

Его видѣли въ первый разъ, и, понятно, всѣ были удивлены такимъ съ его стороны требованіемъ и нахальнымъ тономъ, а болѣе всего это подѣйствовало на хозяйку. Его, разумѣется, выпроводили.

— Охъ, Господи! — охала хозяйка. — Вотъ видите, какой у насъ народъ, завистливый, ему досадно, что другой человекъ можетъ что-нибудь заработать... боюсь я ихъ до страсти.

Но старуху успокоили. Подали лапшу, приказали Ванкѣ закрыть ставни, такъ какъ ихъ облѣпила цѣлая толпа ребятишекъ, и начали ѣсть.

По улицѣ раздалась звуки гармоніи и пѣсенъ; компанія ребятъ подошла къ окнамъ. Ставни открыли и начали лѣзть въ окна. Хозяйка вышла и слышно было, какъ она уговаривала уйти. Но на улицѣ раздался хохотъ и свистъ, и старуха, сконфуженная, вернулась въ домъ.

— Что съ ними, охальниками, подѣлаешь? Боюсь, чего-нибудь устроить, вся душа дрожить.

— Что ты, бабушка, безпокоишься, ничего не будетъ, пождутъ и уйдутъ.

— Охъ, милые, вы нашъ народъ не знаете; для нихъ ничего святого нѣтъ, отпѣтый какой-то. И зачѣмъ я васъ

пустила только, — старуха беспокоилась все больше и больше.

Двое парней вошли въ избу; не поздоровавшись ни съ кѣмъ, они дерзко обратились къ охотникамъ:

— Вы вотъ тапереча пріѣхали съ охотой къ намъ, и мы жалаемъ съ васъ получить на водку.

— Что такое? да какъ вы смѣете сюда лѣзть? васъ звали, что ли?—кто-то сказалъ имъ.

— Васъ мы тоже не звали, а рабьаты прислали насъ, чтобы съ васъ, значить, на водку получить.

Такое нахальство поразило всѣхъ, и парни были провожены.

— Ну, ладно, попомните!—они вышли на улицу и съ пѣснями удалились отъ окна.

Не прошло полчаса послѣ ихъ ухода, когда компанія доѣдала вкусную лапшу изъ курицы, въ сѣняхъ слышался стонъ хозяйки, и она съ крикомъ: «Батюшки, горимъ!» вбѣжала въ избу и разразилась рыданіями. Всѣ вскочили. Черномышевъ кинулся въ сѣни. Въ суматохѣ, кто выбѣжалъ на дворъ, а кто сталъ собирать ружья и разныя вещи вытаскивать на улицу. Никифоръ бросился отпирать гончихъ. Съ проулка слышны крики: «воды!» и болѣе всѣхъ выдѣлялся голосъ Ваньки. Оказывается, что съ проулка подожгли крышу, и она уже сгорѣла пятномъ болѣе аршина въ діаметрѣ. Повидимому, поджигатель зажегъ ее сверху. Сталъ сбѣгаться народъ, но очень немного. Ванька сидѣлъ на крышѣ, ему подавали воду въ ведрахъ изъ рядомъ находившагося колодца. Онъ опалилъ себѣ волосы и сжегъ немного руки, но пожаръ успѣлъ залить. Спасло отъ пожара главнымъ образомъ то, что крыши были старыя и солома на нихъ отъ дождей слежалась. А если бы солома была новая, то весь дворъ со всѣмъ находящимся на немъ былъ бы въ огнѣ въ теченіе десяти минутъ. На противоположномъ проулкѣ происходила слѣдующая сцена: вещи, за исключеніемъ тяжелыхъ чемодановъ, были вытащены, и около нихъ стояли Шубицъ и Солмовскій. Изъ сѣней выскочилъ Черномышевъ; онъ въ первую минуту переполоха попалъ въ сѣняхъ, вмѣсто двери наружу, въ какой-то чуланъ.

— Господа, стойте здѣсь и ни съ мѣста. Есть ли у васъ револьверы? охраняйте оружіе. Начались аграрные безпорядки. — Онъ командовалъ, и голосъ его раздавался по всей улицѣ. Подошелъ Сомовъ. — Вынь ружье изъ чехла и приготовься, начались аграрные безпорядки. Я знаю это, со мной это было. Меня уже четыре раза жгли. — И онъ ходилъ большими рѣдкими шагами около караулившихъ.

Подошелъ Никифоръ и сообщилъ, что пожаръ залили. Вещи стали вносить обратно. Войдя въ избу, стали понемногу успокоиваться. Черномышевъ послалъ за старостой. Старуха-хозяйка плакала съ причитаніями:

— Охъ, родимые мои, избьетъ онъ меня, бѣдную. Уѣзжайте вы, мои милые. Ничего-то мнѣ отъ васъ не надобно. Пожалѣйте вы меня старую.

— Да кого ты боишься, бабушка, не бойся; послали за старостой и караулъ поставимъ на всю ночь, — успокоивали ее, — но она твердила одно, что пріѣдетъ старикъ и убьетъ ее за то, что безъ него пустила охотниковъ.

— Староста пришелъ, — доложилъ Ванька.

— Зови сюда.

Вошелъ мужикъ довольно благообразнаго вида и, поклонившись, сказалъ:

— Изволили посылать за старостой, но староста явиться не можетъ: онъ гуляетъ на свадьбѣ; а я кандидатъ и могу сдѣлать, что прикажете.

Черномышевъ попросилъ его, чтобы онъ сдѣлалъ нарядъ караула къ избѣ, гдѣ былъ поджогъ. Тотъ уже слышалъ о пожарѣ и сказалъ, что черезъ полчаса все будетъ сдѣлано. Старуха тихо плакала и немного стала успокоиваться.

Но не прошло четверть часа, какъ въ окно раздался стукъ Никифора и его голосъ: «Опять горимъ, на задахъ». Старуха опять завопила неистовымъ голосомъ. Всѣ опять всполошились и начали таскать вещи. Оказался совершенно такой же второй поджогъ, только теперь съ другой стороны, съ задовъ. Опять Ванька забрался на крышу и при помощи другихъ охотниковъ и нѣсколькихъ сосѣдей мужиковъ, и этотъ пожаръ затушили.

— Господа, — говорилъ Черномышевъ, — тутъ оставаться

нельзя. Надо, несмотря на ночь, уѣзжать. Я повторяю, что начались аграрные беспорядки, и въ концѣ-концовъ насъ сожгутъ или перестрѣляютъ. Приказали запрягать лошадей и рѣшили ѣхать, несмотря на темень, въ «Морякино».

— Здѣсь дорогу я знаю; я почти здѣсь вывелся. Отсюда будетъ не больше восьми верстъ, сбиться негдѣ, я всѣ межи знаю. Лошади были живо запряжены, вещи уложены и заплативъ старухѣ пять рублей, отъ которыхъ она отказывалась, стали усаживаться.

— Зарядите ружья и держите наготовѣ, — командовалъ Черномышевъ. — Я поѣду верхомъ передомъ, будьте на стражѣ. При выѣздѣ изъ огородовъ могутъ насъ обстрѣливать. — Всѣ были сильно взволнованы. Тронулись.

Но Черномышевъ впередъ не поѣхалъ, а передомъ ѣхалъ псарь съ гончими, сзади гончихъ Петька выжлятникъ, за нимъ съ ружьемъ въ рукахъ Черномышевъ, приказавъ Платону ѣхать сзади себя. За ними слѣдовали экипажи. У всѣхъ ружья были наготовѣ; настроеніе крайне взвинченное.

И это пришлось ѣхать такимъ образомъ въ нашей матушкѣ Россіи, въ одной изъ центральныхъ губерній.

Пьяная ватага, изъ которой приходили требовать на водку, въ концѣ улицы, съ гармоніей и пѣснями шла навстрѣчу и разступившись на обѣ стороны, пропустила охотниковъ съ разными насмѣшками и свистомъ. Наконецъ, выѣхали изъ села. Черномышевъ сошелъ съ верховой лошади, и сѣлъ на фуру. При помощи спички посмотрѣли на часы: было только 10 часовъ.

— Ты говоришь, Миша, что до Морякина восемь верстъ; поѣдемъ, конечно, шагомъ, нельзя же съ гончими идти рысью, и должны быть на мѣстѣ, если не собьешься съ дороги, часа черезъ два, — договорилъ Сомовъ.

— Ну, конечно, въ 12 будемъ тамъ, я тебѣ говорю, что я здѣсь вывелся. На полпути переѣдемъ полотно желѣзной дороги, а тамъ отъ будки будетъ одна дорога.

А. Вoprакъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).